

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю монография «Новая Земля» является первым томом в серии издательства «Европейские издания – Paulsen» – «Острова и архипелаги Российской Арктики». В нее войдут также тома: «Земля Франца-Иосифа», «Северная Земля», «Остров Вайгач» и «Соловецкие острова». В книгах серии будут даны самые современные сведения по природной и историко-культурной среде, по истории освоения полярных территорий Российской Арктики.

Основой для этого издания послужили ежегодные исследования Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) Фонда полярных исследований и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева под начальством и научным руководством П.В. Боярского. К работам в Арктике МАКЭ приступила в 1986 году и с тех пор ежегодно проводит комплексные исследования историко-культурной и природной среды. За 24 полевых сезона ее сотрудниками выявлено и изучено более тысячи объектов культурного и природного наследия на архипелагах Новая Земля, Земля Франца-Иосифа, Северная Земля, Соловецкие острова, на полуостровах Таймыр и Ямал, Канин Нос, на островах Вайгач, Колгуев, Сенгейский, Долгий, Матвеев, Местный, Белый, Визе, Известий ЦИК, Андрея, Русский, Вилькицкого, Средний, Домашний, Попова-Чухчина, в первом русском заполярном городе Пустозерске и на других островах и прибрежных территориях Российской Арктики.

В проведении комплексных исследований в составе МАКЭ участвуют географы, картографы, геологи, зоологи, ботаники, радиоэкологи, археологи, историки, этнографы, социологи, врачи, психологи, топографы, инженеры-физики, экологи, фотографы, видеооператоры, судоводители и представители других специальностей. Историко-культурная среда изучается от объектов каменного века и вплоть до современных сооружений. Выявляются и исследуются древние святилища и сакральные места коренных народов Севера; памятники русского православия и первых арктических мореплавателей в Российской Арктике – поморов, их древние становища, зимовья, остатки системы приметных крестов и гуриев на арктическом побережье и островах России; остатки зимовий и лагерей русских и зарубежных первопроходцев и исследователей, начиная с XVI века, и первых экспедиций к Северному полюсу; первые полярные станции; объекты периода Второй мировой войны; исторические объекты Центрального полигона России (ЦП РФ) на архипелаге Новая Земля, связанные с историей создания и испытаниями ядерного оружия.

Изучение всего комплекса уникальных историко-культурных объектов и природной среды архипелага

стало возможным только благодаря глубокому пониманию значимости исследований МАКЭ со стороны руководства и специалистов Министерства атомной энергетики РФ и его научных институтов, Министерства обороны, Главного штаба Военно-морского флота России, Главного управления навигации и океанографии Минобороны, Центрального полигона РФ на Новой Земле (ЦП РФ), Федеральной службы безопасности (ФСБ), Федеральной пограничной службы, Министерства науки, Министерства культуры (при этом всячески тормозились все исследования МАКЭ культурного и природного наследия Арктики руководством Федерального агентства по культуре и кинематографии), Росгидромета, администрации Архангельской области, Архангельского областного совета депутатов, Мурманского морского пароходства, Северного территориального управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Северное УГМС), Архангельской гидрографической базы.

Постоянную помощь и поддержку в работе МАКЭ на Новой Земле оказывали министр Минатома В.Н. Михайлов; начальник отдела испытаний ядерного оружия Минатома, академик Г.А. Цырков; ведущий специалист этого отдела А.М. Матущенко; вице-адмирал Г.Е. Золотухин, возглавлявший 6-е управление ВМФ, которое курировало ЦП РФ; начальник отдела 6-го управления ВМФ, капитан 1 ранга В.П. Думик; начальники 12-го Главного управления Министерства обороны генерал-полковники И.Н. Вальнкин и В.Н. Верховцев; командиры ЦП РФ вице-адмиралы В.А. Горев, В.С. Ярыгин, В.В. Шевченко и генерал-майор Ю.И. Соколов; заместитель начальника штаба капитан 1 ранга М.И. Скриган; глава администрации муниципального образования Новая Земля В.В. Сметанин; заместители командира ЦП РФ по воспитательной работе контр-адмирал Н.В. Зеленин и капитан 1 ранга Н.В. Химичук; руководители отдела испытаний ядерного оружия на Новой Земле капитаны 1 ранга В.И. Лепский и А.И. Колесников, полковник А.А. Соломонов; начальник лаборатории ЦП РФ полковник В.Г. Сафронов; начальник метеослужбы ЦП РФ полковник С.А. Молодняков; создатели многих видов ядерного оружия из Арзама-

са-16 (ныне город Саров) – директора Российского федерального ядерного центра–ВНИИЭФ академики Е.А. Негин и Р.И. Ильякаев, первый заместитель научного руководителя академик Ю.А. Трутнев и ученые ВНИИЭФ С.Н. Воронин, И.Д. Софронов, Ф.М. Гудин, Б.В. Певницкий, А.К. Чернышев, А.В. Кондрашенко, А.А. Агапов, И.Г. Жидов, помощник директора Д.В. Сладков и директор Музея ядерного оружия В.И. Лукьянов; директор Научно-исследовательского института импульсной техники К.Н. Даниленко и заместитель главного конструктора этого института Ю.А. Наглис; директора Института археологии РАН академики Б.А.Рыбаков и В.П. Алексеев; академик Д.С. Лихачев; председатель президиума Архангельского научного центра Уральского отделения РАН член-корреспондент Ф.Н. Юдахин; начальник ФСБ по Архангельской области генерал-лейтенант С.В. Поскребецьев; начальник Управления авиации ФСБ России генерал-лейтенант Н.Ф.Гаврилов; руководитель Росприроднадзора по Архангельской области А.П. Миняев; руководитель Северного УГМС Л.Ю. Васильев; директор Северо-западного научно-исследовательского института культурного и природного наследия профессор Ю.С. Великанов; заместитель руководителя отдела мирового океана Миннауки Б.И. Имереков.

Все историко-культурные объекты рассматриваются в тесной взаимосвязи с природной средой на основе разработанных руководством МАКЭ в середине 1980-х годов теоретических и методических положений по комплексному изучению и сохранению культурного и природного наследия. Большое значение в полевых исследованиях МАКЭ придается проведению историко-географических экспериментов по маршрутам первопроходцев Арктики.

Одна из задач, сформулированная сотрудниками МАКЭ в 1990 году, – создание единой системы особоохраняемых территорий (национальных парков, заповедников, музеев-заповедников и др.) в Российской Арктике. Планомерная деятельность МАКЭ в этом направлении на протяжении двадцати с лишним лет дала положительные результаты. Распоряжением от 23 мая 2001 г. правительство РФ включило в «Перечень государственных природных и национальных парков, которые предусматривается организовать на территории Российской Федерации в 2001 – 2010 годах» первый национальный парк в Российской Арктике – «Русская Арктика». В него войдут территории и морские акватории острова Виктория, архипелага Земля Франца-Иосифа и часть Северного острова архипелага Новая Земля. Идея этого национального парка и разработка основополагающих материалов по культурному и природному наследию принадлежит МАКЭ.

Особое место с 1986 г. занимают исследования, свя-

занные с созданием первых в России географических карт природного и культурного наследия и «Атласа культурного и природного наследия Арктики».

В предлагаемую читателям книгу вошли результаты полевых исследований МАКЭ по историко-культурной и природной среде, составной частью которой являются объекты истории освоения Новой Земли с древнейших времен и до конца XX века. Здесь не представлены все материалы по каждому объекту (местоположение, исторические сведения, описание объекта, географическая среда, литература, чертежи, рисунки и фотографии), так как мы были ограничены разумными рамками самого издания. Поэтому подробные описания, схемы, рисунки, фотографии приведены не полностью.

Результаты полевых исследований МАКЭ материальных объектов культурного и природного наследия Новой Земли убедительно свидетельствуют о приоритете России в открытии и освоении архипелага.

Исходя из задач самого издания – системная публикация современных сведений о природной и историко-культурной среде, – к написанию разделов второй части книги были привлечены не только сотрудники МАКЭ, но и известные специалисты-исследователи, собравшие серьезный полевой материал во время своих работ в Арктике.

Мы надеемся, что новая серия будет способствовать систематизации разнообразных научных данных и включению их не только в научный оборот, но и в учебники и учебные пособия для студентов и аспирантов. А главная задача серии – способствовать изучению и сохранению уникального природного и культурного наследия Российской Арктики.

Начальник МАКЭ, профессор, почетный полярник, главный редактор издательства
п.в.ВОЯРСКИЙ,

Заместитель председателя Ассоциации полярников, почетный полярник, редактор издательства
Ю.К. БУРЛАКОВ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Новая Земля – крупнейший архипелаг Европейской Арктики – занимает площадь в 83 тыс. кв. км (на этой территории может уместиться такое европейское государство, как Австрия). Состоит из двух крупных островов – Северного (площадь 48 904 кв. км) и Южного (33 275 кв. км), а также множества мелких. Крупные острова разделены узким проливом (2-3 км) Маточкин Шар. Его протяженность около 100 км. С запада Новая Земля омывается Баренцевым морем, с востока – Карским. На юге отделяется проливом Карские Ворота (ширина 50 км) от о. Вайгач. С севера на юг архипелаг простирается почти на 930 км. Ширина Северного острова до 123 км, Южного – до 143 км. В геологическом отношении он продолжает структуры Урала. Горы Новой Земли, занимающие значительную часть архипелага, нередко возвышаются более чем на 1200 м (наивысшая точка имеет отметку 1547 м).

Горы несут мощное оледенение: на долю ледяной поверхности приходится около четверти всей площади архипелага. Особенно значительны размеры оледенения Северного острова (20 тыс. кв. км), где резко выделяется обширный ледниковый покров. Он расположен на уровне 900 м и обрамлен по краям гребнями гор. Крупные вывальные ледники осуществляют сток льда к берегам Баренцева и Карского морей.

Во многих местах горы почти вплотную подступают к морю, особенно на западном побережье, где широко развиты узкие и длинные заливы-фьорды. Горы не исчерпывают разнообразие рельефа Новой Земли. На крайнем севере, юге и местами на востоке представлены обширные плато и равнины.

В ландшафтном и геоботаническом отношении крайний север и возвышенные районы Новой Земли относят к полярным пустыням, всю остальную территорию – к арктическим тундрам. Это широко распространенное подразделение можно дополнить за счет обособленных типичных тундр на юго-западе архипелага. В этом районе растут карликовая береза и кустарниковая ива, встречаются типичные плоскобугристые болота со сфагновыми мхами. Естественно, что юго-запад имеет оптимальные климатические условия для жизни человека. Административно Новая Земля входит в состав Архангельской области Российской Федерации.

01 ЛЕТОПИСЬ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ЗЕМЛИ

125~325

В 1886 году на средства «члена-соревнователя Императорского русского географического общества», известного сибирского промышленника М.К. Сидорова публикуется замечательный труд К. Свенске «Новая Земля в географическом, естественно-историческом и промышленном отношении». Главу 1 – «Обзор путешествий на Новую Землю» – Свенске начинает так: «Время открытия Новой Земли в точности не известно; но не подлежит сомнению, что предприимчивые Новгородцы вскоре по заселении ими Двинского края, столь заманчивого для них по своему изобилию в пушных зверях, то есть с XI века, стали посещать и этот величайший на севере остров, о котором они могли слышать от обитавшей по берегам Белого моря Чуди. Эти русские поселенцы и дали открытому ими острову, которого, вероятно, знали только некоторые отдельные берега, название Новой Земли. Они ходили туда из Белого моря и из реки Печоры на простых ладьях, по большей части для звериного и рыбного промыслов. Но иных могла привлекать туда и другая приманка. Как о разных других странах глубокого Севера, так и о Новой Земле издавна существовало предание, что она изобилует драгоценными металлами, а особенно серебром» (К. Свенске, 1866, с. 1)

Особенности культуры русских поморов, и в частности культуры мореходной, во многом сказались на отсутствии русских письменных свидетельств о времени открытия архипелага Новая Земля. А свидетельства, включая навигационные, описание системы приметных знаков на островах Северного Ледовитого океана, передавались в основном изустно, редкие письменные источники пропадали в семейных архивах или в древних архивах государственных. Многие письменные источники погибли после двадцатых годов XVII века и в годы, следующие после 1917 г. В первом случае сыграл свою роль московский указ о запрещении «Морского хода» в Мангазею. Московские власти опасались, что иностранцы освоят морскую дорогу поморов к Оби, и тогда торговля с ними через «Корабельное пристанище» в Архангельске перестанет давать русской казне большой доход. Кроме того, русские промышленники и купцы могли начать на Севере беспощинно торговать с иностранцами. Поэтому часть письменных «поморских летописей» была уничтожена, а часть была утрачена или утрачена из-за ветхости.

Бесценные письменные источники погибли в 20-х

и 30-х годах XX века во время арестов и обысков архангелогородских лоцманов и поморов, в чьих семьях столетиями сберегались и переписывались рукописи предков с описаниями маршрутов судов, приметных знаков, мест стоянок и зимовок и т.д.

Ранние периоды истории освоения Новой Земли исследователи относят к XII – XV вв. Первые письменные свидетельства о пребывании и промысловой деятельности русских на Новой Земле относятся к XVI в. и принадлежат иностранцам. Бесспорные материальные свидетельства пребывания русских на Южном и Северном островах архипелага были зафиксированы в 1594 и 1596 – 1597 гг. в дневниках Де-Фера – участника голландских экспедиций, одним из руководителей которых был Виллем Баренц.

Следовательно, особое значение приобретают как поиски письменных свидетельств прошлого, так и археологические работы по выявлению материальных свидетельств освоения Новой Земли русскими до XVI в. Часть этих древних материальных объектов на Новой Земле была специально уничтожена в последние десятилетия XIX – в начале XX вв. норвежскими промышленниками. Они пытались скрыть следы древнего освоения архипелага русскими, чтобы, вытеснив их, развивать свои промыслы. В результате этих действий были снесены старинные промысловые избы и древние поморские кресты.

К этому необходимо добавить и неизученность процессов освоения Новой Земли народами Севера. Участник датской экспедиции 1653 г., судовой врач Де Ламартиньер в описании плавания к Новой Земле указывает на встречу с местными жителями – «новоземельцами». Как и «самоеды» (ненцы), они поклонялись солнцу и деревянным идолам, но отличались от самоедов одеждой, украшениями и раскраской лица. Самым главным в этом описании является упоминание легкого каноэ, «устроенного в форме гондолы, длиною от 15 до 16 фут, шириною 2,5, сделанным очень искусно из рыбьих костей и кожи; внутри кожа была сшита таким образом, что получался как бы мешок от одного конца челнока до другого; внутри такого челнока они были укрыты по пояс, так что вовнутрь лодки не могла попасть ни единая капля воды, и они могут таким образом выдерживать вполне безопасно всякую непогоду» (Ламартиньер, 1912, с.

91). В дополнение к этому Ламартиньер указывает, что «наконечники копий и стрел были сделаны из рыбьих костей, как и все вообще их инструменты». Только у этого автора мы встречаем описание неизвестного северного народа – морских охотников, который оказал влияние на морскую культуру «самоедов» (ненцев). Аналогичное описание «каноев» приводит Ф. Белявский, долго живший среди ненцев (Белявский, 1833). Этот момент очень важен для исследований Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) Фонда полярных исследований, Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева и Научного центра «Культура и Мировой океан», которые ведутся с 1986 года на Новой Земле, Земле Франца-Иосифа, Северной Земле и Вайгаче в поиске не только

памятников истории освоения Арктики (включая археологические), но и материальных свидетельств существования Грумантского моста.

По нашей гипотезе современные острова Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Новой Земли, Северной Земли были составными частями исчезнувших мостов суши. Свообразные перешейки могли неоднократно использоваться различными животными и предками современного человека, создавая условия для встречных потоков миграции (например, из Северной Америки через Гренландию в Азию) (Боярский, 1990 а).

01 ЗАРУБЕЖНЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Для Западной Европы архипелаг «открыли» англичане, стремившиеся отыскать северо-восточный проход в страны Востока. На Южных морских путях в Индию и Китай господствовали Испания и Португалия.

В 1533 г. экспедиция под руководством Х. Уиллоуби вышла из Англии и, по-видимому, достигла южного побережья Новой Земли. В инструкции, которая была специально написана для этой экспедиции, впервые дается указание вести судовую журнал. Кроме того, «ежедневные записи о путешествии должны вести также купцы и всяк, кто только в состоянии сие делать» (Визе, 1948, с. 19). Благодаря инструкции подобное правило стало вскоре обязательным и для других европейских морских экспедиций. Эти дневники и судовые журналы стали источниками сведений европейцев о других странах и народах, в частности об арктическом побережье и островах Европейской России. Два корабля экспедиции вынуждены были зазимовать у устья реки Варсины на Восточном Мурмане.

В 1556 г. англичане вновь попытались пройти северо-восточным проходом. Судно под командой С. Борро в конце июля подошло к неизвестной земле. Здесь состоялась встреча с командой русской ладьи, которая объяснила, что англичане находятся у берегов Новой Земли. Скопления льда в проливе Югорский Шар вынудило экспедицию вернуться в Англию.

В 1580 г. при поддержке известного географа Г. Меркатора два английских судна «Московской компании» отправились к северным берегам России. Экспедицией руководили А. Пит и Ч. Джекмен. Подойдя к Новой Земле, они затем спустились к Югорскому Шару и через него прошли в Карское море. Но сплошной лед остановил суда, и им пришлось возвращаться домой. По дороге Джекмен и его корабль пропали.

В начале 90-х годов XVI в. северо-восточным проходом заинтересовалась Голландия. В 1594, 1595 и 1596 гг. из Голландии направляются три торговых экспедиции в Индию и Китай. Одним из руководителей всех трех экспедиций был выдающийся голландский мореплаватель В. Баренц. В 1594 г. он вдоль северо-западного побережья Новой Земли достиг ее северной оконечности. Команда не захотела идти дальше в Карское море, и Баренц вернулся на юг, к Югорскому Шару, где стояли два голландских судна. Им удалось пройти Югорским Шаром в Карское море. Но, дойдя до устья реки Кары, суда повернули

назад. Судно и промысловая шлюпка В. Баренца и суда К. Ная и Б. Тетгалеса в том же году вернулись в Голландию. В 1595 г. Баренц, Най и Тетгалес снова участвовали в экспедиции, в которую вошли шесть судов с товарами и одно вспомогательное судно. Им удалось через Югорский Шар выйти в Карское море. Но льды не пустили дальше острова Местного. Суда повернули на запад. В этой экспедиции на судне, где В. Баренц был главным штурманом, первым комиссаром был назначен Я. Гемскерк, а в составе команды находился Г. Де-Фер. Имя последнего прославлено опубликованными им дневниками трех экспедиций и составленной вместе с Баренцом картой западного и северного побережий Новой Земли.

В 1596 г. снова два судна были направлены Голландией в Китай. На одно из них капитаном назначили Я. Гемскерка, главным штурманом – В. Баренца. Гемскерк отвечал также за товары и налаживание торговых отношений с Китаем. Среди 17 участников экспедиции был Де-Фер. Баренц решил обогнуть Новую Землю с севера, второе судно пошло другим маршрутом. 26 августа 1596 г. судно Баренца было затерто у северо-восточного побережья архипелага, в Ледяной Гавани. Голландцам пришлось выстроиться на берегу жилище из плавника и судовых досок. За время зимовки скончались два члена команды.

13 июня 1597 г. Де-Фер записал в своем дневнике: «... была приятная погода. Капитан в сопровождении плотников пошел к кораблю, и они окончательно приготовили лодки. Оставалось только спустить их на воду. Люди сами видели открытое море. Капитан вернулся в дом и сообщил Виллему Баренцу (который был давно болен), что принял решение воспользоваться представившимся теперь удобным случаем для отъезда и вместе с командой спустить в воду лодку, чтобы покинуть Новую Землю. Тогда Виллем Баренц, предварительно написавший записку, скатал ее в размер мушкетного заряда и повесил в камине. В ней было рассказано, как мы прибыли из Голландии с целью плыть в Китайское царство и что с нами случилось здесь; сказано было про наши невзгоды, чтобы, если кто после нас пристанет сюда, он мог понять, что с нами было и как мы поневоле построили этот дом, в котором и застряли на девять месяцев. Написал он и про то, как нам надо было пускаться в

море на двух лодках и предпринять изумительное и опасное плавание... Снеся всё в лодки, мы отправились домой и перевезли на санях к воде, где стояли лодки, Виллема Баренца, а затем Класа Андрисона, оба они были больны. Таким образом, разместились мы по лодкам, разделившись и приняв в каждое судно одного больного. Тогда капитан велел поставить обе лодки рядом и дал нам подписать письмо, которое, как было сказано раньше, он составил. Содержание его следующее:

Вплоть до сегодняшнего дня мы ожидали и надеялись, что корабль освободится ото льда, а теперь на это остается очень мало надежды или нет никакой, потому что корабль крепко окружен льдом, да притом в конце марта и начале апреля лед так уплотнился и натеросило, что мы стали раздумывать, каким образом нам дотащить лодки до воды и где найти для этого удобное место. Поэтому я предложил на обсуждение Виллема Баренца, главного штурмана корабля, а также других должностных лиц и всех прочих, вопрос, как нам спасти себя и некоторые товары купцов. Мы не нашли лучшего решения, как починить наши лодки и приготовить насколько возможно всё необходимое, чтобы не пропустить время, так как, не используя его, мы рискуем погибнуть от холода и нужды. Да и теперь надо бояться, чтобы этого не случилось, так как среди нас есть три или четыре человека, от которых мы не можем ожидать никакой помощи – они до такой степени истощены холодом и недугом, что не обладают силой даже и на полчеловека. Далее следует предвидеть, что дела будут не вполне благополучны как из-за длинного пути, который предстоит нам проделать, так и потому, что с хлебом не дотянуть до конца августа; а между тем легко может выйти, что если с нами случится в пути что-нибудь скверное, то раньше этого времени мы не доберемся ни до какой страны, где могли бы приобрести что-либо, хотя, начиная с настоящего часа, мы принимаем к этому все меры. В силу всего этого мы решили не ждать дольше, так как сама природа учит нас думать о самосохранении. Всё это мы постановили единогласно и подписали 1 июня 1597 г. Так как сегодня мы готовы, имеем попутный западный ветер и открытое море, то мы собрались отплыть, потому что корабль все еще остается крепко затертым льдом, и в его положении мы не заметили никакой перемены к лучшему, несмотря на частые и сильные ветры с W, N и NW, и поэтому в конце концов мы его покинули.

Сего 13 июня 1597 года.

Подписали:

Яков Гемскерк, Виллем Баренц, Питер Питерсон Фос, Гиррет де Фер, магистр Ганс Фос, Леонард Гендриксон, Лаврентий Виллемсон, Яков Янсон Шидам, Питер Корнелиссон, Ян Рейнирсон, Яков Янсон

Штерренбургх.

Затем, при северо-западном ветре и достаточно открытом море, мы приготовились к отплытию.

14 июня утром, когда солнце было на востоке, мы, имея западный ветер, отплыли на лодках» (Де-Фер Г., 1936, с.234,237-240).

У северо-западного побережья Новой Земли, в районе залива Иванова, скончались Виллем Баренц и Клас Андрис Гаутейк, чуть позже – еще один участник экспедиции. На юге Новой Земли голландцы встретили два судна русских поморов и получили от них помощь продуктами.

Оставшиеся в живых 12 голландцев на лодках дошли до Колы, где случайно встретились со вторым судном экспедиции и на нем вернулись в Амстердам. Это была первая зимовка западных европейцев в Арктике.

В 1608 г. английский мореплаватель Г. Гудзон отправился на поиск пути в Индию, но достиг только юго-западного побережья Новой Земли. Во время высадки на архипелаг он обнаружил поморский приметный крест и остатки костра.

В 1653 г. поиск северо-восточного прохода предприняли датчане. Три их судна достигли Новой Земли. Выше мы упоминали о книге участника экспедиции Де Ламартиньера. В 1659 г. еще одна датская экспедиция подошла к архипелагу.

В 1664 г. у северного побережья Новой Земли побывал голландский китолов В. Де-Фламинг. В 1668 г. он снова приплыл к Новой Земле. В 1675 г. голландский китолов К. Снобеггер промышлял у архипелага и высаживался на побережье.

В 1676 г. английские суда Д. Вуда и У. Флоуса подошли к полуострову Адмиралтейства. После гибели судна Вуда у мыса Спидилл, второе судно подобрало весь экипаж. В 1725 – 1730 гг. западное побережье Новой Земли посещали голландские китоловы.

На этом прекращаются до XIX в. плавания зарубежных судов к архипелагу. Безусловно, наиболее выдающимися были две экспедиции В. Баренца. Голландцы провели измерения глубин и дали описание состава грунта морского дна. Они вели наблюдения магнитного склонения, дали описания различных пунктов побережья, животного мира. Во время зимовки в Ледяной Гавани вели записи о погоде и ледовой обстановке. Но главная заслуга Баренца и Де-Фера – составление карты западного и северного побережья Новой Земли.

02 РУССКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Первые зарубежные мореплаватели, высаживавшиеся на Новую Землю, видели здесь бесспорные материальные свидетельства пребывания русских. Более того, неоднократно встречали поморские суда у побережья архипелага. Поморов привлекали сюда разнообразные богатые промыслы.

Они добывали: моржовые клыки; песцовые, медвежьи, моржовые, тюленьи и оленьи шкуры; моржовое, тюленье, белушье и медвежье «сало» (ворвань); омуля и гольца; гусей и других птиц; гагачий пух. Ранним летом отправлялись на промысловых судах своеобразные артели от 8 до 20 человек из Белого моря, с Мезени и Печоры к островам Новой Земли. Ходили из года в год, что способствовало формированию целых династий новоземельских промышленников и мореходов. Ходили на ладьях, кочах и карбасах – небольших судах, команду которых возглавлял кормщик. Зачастую ледовая обстановка, сильные штормы, гибель судна заставляли промышленников зимовать на Новой Земле. Часть из них гибли, другие выживали, набирались опыта. Для строительства жилья и его обогрева первоначально использовался только плавник. Затем начали брать с собой разборные срубы (для их установки в местах зимовок) и запас дров.

Основное жилье промышленников – станова изба – ставилось обязательно в максимальной близости к судну. Для этого обычно выбирался мыс или возвышенная часть берега, с которого наблюдалось не только судно, но морская акватория. Это давало возможность наблюдений за открытым морем или за морским и припайным льдом. Кроме того, и это очень важно, проходившее мимо поморское судно других промышленников еще издали могло заметить становую избу и в случае необходимости прийти на помощь. Поэтому, соорудив становую избу с печкой-каменкой, нарами и сенями, рядом воздвигали многометровый поклонный (приметный) крест. Неподалеку или вплотную к избе строили баньку и «шалаш» из бревен для хранения запасов провианта и добычи. Крест служил своеобразным знаком-маяком многие годы. В тот же сезон или в последующие на побережье воздвигалась целая система поморских крестов и гуриев, которые служили створами, маяками и указывали судам безопасные подходы к месту стоянки.

В зимнее время основным промыслом поморов становилась ловля песцов при помощи ловушек – кулём. Кулёмы сооружались вдоль побережья на большом протяжении. Чтобы вовремя осматривать кулёмы, промышленники ставили на расстоянии 5 – 10 км от становой избы (и друг от друга) несколько разволочных изб, на 2 – 3 человека. Необходимость постоянного обхода кулём и связи со становой избой также определяли выбор места зимовки. Ландшафт побережья не должен был затруднять передвижение промышленников к разволочным избам и от них – к песцовым ловушкам. Здесь не должно было быть непреодолимых препятствий ни для людей, ни для животных – песцов, оленей, белых медведей. Из года в год, опытным путем, устанавливались «гиблые места», где в зимний период максимальной силы и продолжительности достигали господствующие ветры.

Собираясь на зимовку, брали с собой на судно сказочника, певца былин, на очень выгодных по сравнению с другими промышленниками условиях. В темные мрачные дни зимовщики молились и слушали старинные сказки. По вечерам, в праздники устраивали «скакание-плясанье», чтобы с тоской не вползла в тело болезнь. На деревянную чашу натягивали оленьи жилы, гриф делали из вереска – вот и получался гудок с погудальцем. А из коровьих рогов, в которых иглы держали, изготовляли сопелки-свирели. Благовещение и Пасху выходили славить к морю. Молились у поклонного креста.

Таким образом, к первому приходу на Новую Землю европейцев здесь уже сложились уникальные духовные и промысловые традиции русских поморов.

До сих пор не выявлены на Новой Земле памятники ранней истории освоения архипелага поморами. Датировка многих древних объектов крайне затруднена, в том числе обнаруженных МАКЭ остатков зимовий и приметных крестов. Они были изготовлены из плавника, который нередко имел возраст в несколько столетий еще до того времени, как его использовали поморы.

03 ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ НОВОЙ ЗЕМЛИ

В 1652 г. по указу царя Алексея Михайловича на Новую Землю отправилась экспедиция Романа Неплюева для поиска серебряных и медных руд, драгоценных камней и жемчуга. В экспедиции участвовало 83 человека. Большинство участников и сам Неплюев погибли во время зимовки южнее острова Долгий. В 1671 г. на поиски серебряной руды была направлена на Новую Землю экспедиция под руководством Ивана Неклюдова. Ей поручалось и строительство на архипелаге деревянной крепости. Не достигнув успеха в этот год, Неклюдов повторил свою попытку в 1672 г. Все участники экспедиции погибли.

В 1760 – 1761 гг. Савва Лошкин впервые проходит на ладье с юга на север вдоль восточного берега Новой Земли, потратив на это два года. Он огибает северное побережье и вдоль западного берега спускается на юг.

В 1766 г. кормщик Яков Чиракин совершает плавание на судне архангельского купца А. Бармина из Баренцева моря в Карское проливом Маточкин Шар. Сообщением Чиракина заинтересовался архангельский губернатор А.Е. Головцын. Он договаривается с Барминым об отправке судна в следующем году в «новоизобретенные места» и обращается с ходатайством к императрице о снаряжении на Новую Землю экспедиции. Получив от нее согласие, губернатор назначает начальником экспедиции Ф.Ф. Розмыслова. К экспедиции также прикомандировываются подштурман М. Губин и два матроса 1-й статьи А. Кустов и И. Казимеров. Купец Бармин выделил кочмару, экипировал кормщика Я. Чиракина и с ним девять работников: И. Коровкина, Е. Попова, Т. Тижина, Д. Бернова, Т. Кызанова, С. Урпина, А. Поспелова, И. Мосева, В. Мырцова. Инструкцией губернатора Розмыслову предписывалось: составить карту пролива Маточкин Шар, измерить его глубину; если будет возможно, пройдя пролив, дойти Карским морем до устья реки Оби; на побережье пролива «осмотреть в тонкости, нет ли каких руд, минералов отличных и неординарных камней, хрустала, иных каких курьезных вещей, соляных озер и тому подобного, и каких особых ключей и вод, жемчужных раковин, и какие звери и птицы и в тамошних водах морские животные водятся, деревья и травы отменные и неординарные» (Экспедиция, 1898, с. 24–25). Предписывалось изучить возможность открытия пути из Карского моря к Северной Америке. В пункте 6 говорилось: «Обязательно, если пролив глубок и большое судно через него может свободно пройти, то на другой стороне (пролива. – П.Б.) зимовье соорудить, для чего в том месте для зимовья избушку поставить, которая будет на том же судне от упоминаемого Бармина послана» (Экспедиция, 1898, с. 24). Инструкция была

секретной, и ее содержание запрещалось разглашать. Розмыслову предписывалось также «оному кормщику (Чиракину. – П.Б.) и работникам в надлежащее время в промыслах их препятствия не чинить, но с теми кормщиком и работниками и со всеми будущими в команде обходиться ласково, и никаких ссор не делать, а иметь между собой любовь и то порученное дело всеми мерами неослабно приводить до желаемого исполнения» (Экспедиция, 1898, с. 24).

10 июля 1768 г. судно с экспедицией, запасами продовольствия, орудиями лова и с разобранной «промышленной избой» на борту направилось по реке Двине в Белое море. Трехмачтовая кочмара, поднимавшая около восьми тонн груза, оказалась плохо подготовленной к плаванию. Пришлось задержаться в Белом море, чтобы произвести ремонт судна. Только 7 августа они увидели мыс Гусиный Нос на Новой Земле. 8 августа Розмыслов записал в журнале: «8 день августа 1768 года с полудни стояще на море у Новой Земли ... Погода пасмурная, вкруг горизонта и на берегу густой туман. И на берегу лежит немало снегу и воздух студень» (Розмыслов. Журнал 1768 – 1769 гг. РГАВМФ, ф.913, оп.1, д.133, л.1 об.). С 9 по 13 августа судно было вынуждено стоять у острова Бритвин. Розмыслов со своими спутниками побывал и на самом острове, и на побережье архипелага. К западному устью Маточкина Шара судно подошло 15 августа. Войдя недалеко в пролив, оно бросило якорь. 16 августа Розмыслов записывает: «6 часов. С начала часа глубина по лоту 8,5. 9. 9,5. 10 сажен, грунт <...>. В исходе часа подходя к поставленной на южном берегу избе, имеющийся шкипер Чиракин заявил, что он дальше по Шару на судне парусном не был, то там для большого судна глубины не известны, как я и команды моей служители во оном проливе не бывали, и не вымерять от оной идти более не отважился». (Розмыслов Ф. Журнал 1768 – 1769 гг. РГАВМФ, ф.913, оп.1, д.133, л.17 об.). То есть Чиракин остальное расстояние по проливу прошел в предыдущий год на лодке. Поэтому Розмыслов занялся промерами глубин с карбаса. 31 августа он дошел на карбасе до

ручья Начуева, находящегося вблизи Карского моря. Взойдя на одну из гор, 1 сентября он увидел, что Карское море до горизонта свободно ото льда. 3 сентября Розмыслов вернулся к кочмаре и на обратном пути продолжал промеры глубин.

Еще 21 августа на южный берег пролива был высажен подштурман Губин с шестью работниками. Розмыслов поручил им опись берега от реки Медвянки до реки Чиракина. 31 августа эта группа закончила опись. С 3 по 5 сентября Розмыслов продолжил опись до реки Шумилихи. В этот день при небольшом морозе выпал снег. 7 сентября экспедиция разобрала стоявшую на берегу промысловую избу и, погрузив ее на судно, двинулась в глубь пролива. Уже на следующее утро они бросили якорь напротив залива Тюлений, который был ранее выбран Розмысловым для зимовки во время его плавания здесь на карбасе. 9 сентября они вошли в этот залив и, притянувшись к берегу, начали разгрузку. В эти дни Розмыслов записывает: «больной шкипер» (Розмыслов Ф. Журнал 1768 – 1769 гг. РГАВМФ, ф.913, оп.1, д.133). Следовательно, Чиракин уже был болен. 13 сентября собрали промысловую избу, взятую из западной части пролива. К 15 сентября была поставлена и вторая (привезенная из Архангельска) изба юго-восточнее бухты Тюлений, на мысе Дровяном. Этот мыс расположен на южном побережье пролива, неподалеку от его восточного устья. В первой избе разместились Розмыслов, Чиракин и с ними еще пять человек. Семеро остальных во главе с подштурманом Губиным остались в избе на мысе Дровяном.

С 14 сентября повалил густой снег, а 20 через неделю пролив Маточкин Шар покрыло льдом до Карского моря. 25 сентября в залив Тюлений пришла за провизией группа с мыса Дровяного. Они сообщили, что все видимое пространство Карского моря покрылось льдом. 1 ноября скрылось солнце, и наступила полярная ночь. Кругом лежал глубокий снег, препятствовавший прогулкам. В избе от дыма слезились глаза. Сверху постоянно капало, промерзали отсыревшие стены. Еще 1 сентября заболел Яков Чиракин. Болел он тяжело и 17 ноября скончался. В этот день Розмыслов записывает в своем дневнике: «... шкипер Яков Чиракин сего числа пополудню в 1 часу волею Божеею умре» (Розмыслов Ф. Журнал 1768 – 1769 гг. РГАВМФ, ф.913, оп.1, д.133, л.25). 13 октября заболел один из работников, 27 октября – матрос, а 4 ноября еще один работник. К началу января 1769 г. все трое заболевших выздоровели.

24 января первый раз показалось солнце. В этот же день Розмыслов записал в журнале, что заболели два работника. С каждым днем им становилось все хуже. 31 января, заметив стадо оленей, работник Тарас Кызанов, надев для маскировки поверх одежды белую рубашку, с казенным ружьем отправился за две

версты на северную сторону пролива. Неожиданно началась сильная пурга. Кызанов назад не вернулся. Его «положили считать в числе мертвых без погребения» (Розмыслов Ф. Журнал 1768 – 1769 гг. РГАВМФ, ф.913, оп.1, д.133, л.26 об.). Такую запись сделал в журнале через сутки Розмыслов. 11 марта заболел еще один работник.

23 апреля умер работник Тимофей Тижин. 13 мая скончался работник Андрей Поспелов, и в этот же день объявился новый больной. 17 мая в избу к Розмыслову доставили всех больных с мыса Дровяного. 22 мая несколько человек были отправлены в соседнюю Белужью губу (не путать с Белушьей губой) для проведения геодезических работ. 25 мая по льду был произведен промер от избы до Карского моря. 27 мая умер работник Епифан Попов, а 11 июня – работник Дементий Бернов.

8 июня проводятся наблюдения относительной высоты солнца в полдень и северной широты места, а также исследования толщины льда в проливе. 30 июня Розмыслов решает оставить судно под присмотром больных, а с остальными отправляется на запад, чтобы продолжить прошлогоднюю опись берегов пролива. 5 июля эти работы пришлось закончить, так как начал разрушаться ледовый покров. В этот же день они вернулись к зимовью. А на следующий день, 6 июля, скончался матрос Иван Казимеров. Из 14 человек экспедиции умерло семеро.

9 июля из Тюленьего залива вынесло в пролив весь лед. Поэтому 10 июля оставшиеся в живых приступили к осмотру кочмары. Судно оказалось со значительной течью. Пришлось вырубать и конопатить пеньковой частью гнилой обшивки. Это не помогло, и 17 июля попробовали исправить положение, использовав смесь местной глины с отрубями ржаной муки. Но и это не намного ослабило течь. 18 июля сильным западным ветром разломало лед по всему проливу.

23 июля тяжело заболел Розмыслов. Он записал в журнале: «больной командир» (Розмыслов Ф. Журнал 1768 – 1769 гг. РГАВМФ, ф.913, оп.1, д.133, л.29 об.). Начальство над экспедицией, согласно инструкции губернатора Головцына, взял на себя подштурман Губин. Розмыслов болел вплоть до своего возвращения в Архангельск.

3 августа, после 328 дней зимовки, загруженное остатками продовольствия, питьевой водой и снаряжением экспедиции судно подняло якорь и направилось в Карское море. Но уже к вечеру 4 августа оно было остановлено сплоченным льдом. Пришлось вернуться назад, к проливу Маточкин Шар. В тумане судно вместе со льдом было отнесено севернее восточного входа в пролив. Приняв за вход в пролив неизвестный им залив, они подошли к нему. Так был открыт Незнаемый залив, в котором экспедиция пробыла до 7 августа. В этом заливе скончался Василий

Мырцов. Еще 6 августа Розмыслов написал: «В 10 часов работник Василий Мырцов волею Божию умре» (Розмыслов Ф. Журнал 1768 – 1769 гг. РГАВМФ, ф.913, оп.1, д.133, л.35).

8 августа судно вернулось в Маточкин Шар. Дойдя до реки Маточки, бросили якорь. Здесь опять приступили к ремонту судна. Но когда вечером снялись с якоря, течь еще усилилась. Положение становилось безвыходным – вряд ли они смогли бы пережить вторую зимовку. Вскоре неожиданно заметили направлявшееся к ним поморское промысловое судно. Кормщики А. Ермолин и И. Лодыгин с товарищами возвращались с промыслов из губы Митюшиха в Архангельск. Было решено перенести груз с кочмары на судно промышленников. Во время этой работы 9 августа заболел подштурман Губин. 13 августа кочмару завели в устье реки Чиракина и закрепили у берега. Все перешли на судно промышленников. К 16 августа начал поправляться Губин. Только 25 августа задул попутный ветер, и судно вышло в Баренцево море. По дороге оно чуть не было раздавлено льдами.

9 сентября судно подошло к Соломбальской верфи в Архангельске. В тот же день Розмыслов известил губернатора кратким рапортом о возвращении и результатах экспедиции. До конца 1769 г. Розмыслов составлял карту, закончил редактирование журнала и 10 января 1770 г. представил Головцыну научные результаты экспедиции. Головцын направил рапорт с копиями результатов экспедиции Розмылова императрице.

Безусловно, имя Розмылова должно занять

одно из первых мест в ряду выдающихся русских мореходов и исследователей Арктики. Он не только впервые измерил и положил на карту полулегендарный пролив Маточкин Шар. Розмыслов дал первое описание природной среды пролива: окружающих гор, озер, некоторых представителей растительного и животного мира. Более того, он проводил регулярные наблюдения за погодой, зафиксировал время замерзания и вскрытия льда в проливе. Выполняя данное ему поручение, Розмыслов построил первое зимовье в восточной части пролива Маточкин Шар. Это зимовье в дальнейшем использовалось промышленниками и исследователями архипелага.

Мы дали столь подробное описание зимовки Розмылова специально, чтобы передать условия, в которых при нем и в первой половине XIX в. проводили свои исследования русские моряки. И в экспедиции Розмылова, и в последующих активное участие принимали поморы.

Экспедиция Розмылова пробудила интерес Петербургской Академии наук к исследованиям Новой Земли. Руководство Академии решило направить на архипелаг академика И.И. Лепехина. К сожалению, его путешествие не состоялось. Лепехин обратился к своему другу – историку В.В. Крестинину с просьбой собрать воедино все сведения об архипелаге. В процессе работы над своим трудом по Новой Земле Крестинин воспользовался информацией поморов Ивана Шухобова, Федора Рахманина и Алексея Откупщикова. В 1789 г. И.И. Лепехин опубликовал в «Новых ежемесячных сочинениях», выходявших под

его редакцией, уникальный труд Крестинина «Географическое известие о Новой Земле» (Крестинин, 1789). Работа, основанная на наблюдениях поморов, ходивших на промыслы к архипелагу, получила высшую оценку ученых, и Крестинин был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. В последующие после экспедиции Розмылова десятилетия только поморы продолжали посещать Новую Землю и зимовать там.

В начале XIX в. известный русский государственный деятель граф Н.П. Румянцев помог учредить в России Беломорскую компанию. В задачи компании, базировавшейся в Екатерининской гавани на Мурмане, входило ведение промысла в Северном Ледовитом океане, включая архипелаг Новая Земля. В 1806 г. канцлер Румянцев выделяет средства для поиска серебряной руды на Новой Земле. В июне 1807 г. одномачтовый шлюп «Пчела» направился к архипелагу. На его борту были: начальник экспедиции горный чиновник В. Лудлов, два горных мастера, капитан шхуны отставной штурман Г.В. Поспелов, кормщик Мясников и девять нанятых поморов. Экспедиция побывала на острове Междушарском, посетила известное становище Вальково. Изучая острова в проливе Костин Шар, Лудлов обнаружил залежи гипса. Затем судно направилось на север, к западному входу в пролив Маточкин Шар. Здесь, на побережье губы Староверской (Поморской), были замечены станова изба и карбас. Экспедиция временно разместилась в избе, и пока команда занималась ремонтом карбаса, Лудлов обследовал окрестности. Он обнаружил серу и медный колчедан. В начале августа Лудлов на карбасе отправился на северо-запад, в губу Серебрянку. Не обнаружив здесь серебряной руды, Лудлов с горными инженерами возвратился к судну в Маточкин Шар. В середине августа судно направилось в Архангельск. Во время экспедиции Поспелов впервые произвел съемку побережья архипелага от Костина Шара до Маточкина и проверил «широту по обсервации» последнего. Его данные помогли Ф.П. Литке в 1822 г. найти вход в пролив.

10 июня 1819 г. из Архангельска направился к Новой Земле бриг «Новая Земля» («Кэтти»). Возглавил экспедицию лейтенант А.П. Лазарев. Сложная ледовая обстановка и заболевание команды цингой привели к срыву планов экспедиции, которая не смогла пробиться к побережью архипелага для его исследования и картирования. В сентябре экспедиция вернулась в Архангельск. Осенью 1819 г. Морское министерство добилось разрешения на организацию новой экспедиции. Главный командир Архангельского порта получил распоряжение о строительстве 200-тонного брига «Новая Земля».

В 1821 – 1824 гг. лейтенант Ф.П. Литке возглавил четыре экспедиции на архипелаг для обследования и

съемки его берегов, определения географического положения наиболее приметных мысов и для измерения длины пролива Маточкин Шар. Литке очень вдумчиво и серьезно отнесся к подготовке экспедиции. Он изучил различные документы, связанные с исследованиями Розмылова, Лудлова, Лазарева. Видимо, лично встречался с поморами, ходившими к Новой Земле, и купцами, снаряжавшими суда к архипелагу. В дальнейшем все эти сведения стали основой его исторического обзора предшествующих путешествий к Новой Земле. Они, как и разносторонние научные материалы, вошли в знаменитый труд «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военной бригае «Новая Земля» в 1821 – 1824 годах», который Литке издал в 1828 г.

Во время своего второго плавания к Новой Земле на бригае «Новая Земля» 17 августа 1822 г. экспедиция Ф.П. Литке вошла в западное устье Маточкина Шара. Вот что записал он 18 августа: «Происхождение названия Маточкин Шар неизвестно. Под словом Шар разумеется во всех местах, посещаемых новоземельскими мореходами, пролив, текущий поперек какого-нибудь острова или земли или соединяющий между собой два моря... Маточкою по всей Архангельской губернии называют малые деревянные компасики, употребляемые рыбаками, дровосеками и прочими; может быть, от него происходят названия Маточкин, Маточка (река) и другие.

Маточкин Шар в прежние времена часто был посещаем промышленниками, которые, оставляя ладьи свои в каком-нибудь из южных их становищ, Бритвином, Кармакульском, Гусином или другом, проезжали туда обыкновенно на карбасах и, напромышляв более или менее, возвращались к своим судам. Зимовать же в Маточкином Шаре оставались они неохотно, и всегда по какому-нибудь особенному только случаю, поскольку в нем нет удобных для зимовки гаваней, а ветры в зимнее время свирепствуют жестоко. По этой причине, если кому случалось там зимовать, то с осени, выгрузив судно дочиста, перевертывали его и наполняли водою, чтобы не могло его унести. Такое средство спасти судно может показаться с первого взгляда весьма невероятным; однако я в истине этого нисколько не сомневаюсь, потому что меня уверили в этом все без исключения кормщики и промышленники, которых мне только случалось об этом расспрашивать» (Литке Ф.П., 1948, с.187–188).

В этот же день: «По обычаю мореходов, посещающих этот край, поставили мы на северном берегу, около одной версты к северо-западу от Бараньего мыса, крест с приличной надписью, в память бытия нашего в Маточкином Шаре» (Литке Ф.П., 1948, с.187).

Экспедиции под руководством Литке сделали опись западного берега Новой Земли от пролива

Карские Ворота до мыса Нассау. Пройти дальше на Север не дали сплоченные льды. Литке подтвердил высокою точность съемки Розмысловым пролива Маточкин Шар. Впервые был проведен целый комплекс научных наблюдений: метеорологических, геомагнитных и астрономических.

В 1823 г. Ф.П. Литке нанес на карту в районе пролива Костин Шар «Белую Губу». Он использовал название, которое было дано губе в старину промышленниками-поморами за то, что здесь часто велся промысел белух.

Незадолго до окончания своего четвертого плавания к Новой Земле на бриге «Новая Земля» Литке и его спутники встретили мореплавателей-самоедов (ненцев) неподалеку от Вайгача.

В 1829 г. прапорщик П.К. Пахтусов представил в Гидрографическое депо проект описания восточного и южных берегов Новой Земли. Этот проект поддержал Ф.П. Литке. Но только в 1832 г. Пахтусов возглавил экспедицию, средства на которую пожертвовали советник Северного округа корабельных лесов П.И. Клоков и архангельский купец («коммерции советник») В. Брандт. Их интересовал выбор наиболее удобного пути из Баренцева моря к р. Енисей, изучение восточного берега Новой Земли и возможность создания становища с лоцманом на южной оконечности архипелага. Консультировали экспедицию известные арктические мореплаватели и исследователи М.Ф. Рейнеке и Ф.П. Литке. Решено было отправить три судна. Начальником экспедиции был назначен П.К. Пахтусов. На одномачтовом беспалубном большом карбасе «Новая Земля» он должен был пройти проливом Карские Ворота и сделать опись восточного берега Южного острова до пролива Маточкин Шар. В состав экипажа Пахтусова входило 10 человек: его помощник, кондуктор корпуса штурманов Н. Крапивин, отставной боцман Федотов и семь поморов. Шхуна «Енисей» под начальством лейтенанта В.А. Кротова и подпоручика И.Ф. Казакова должна была через Маточкин Шар пройти в Карское море и к устью р. Енисей. Кроме того, в состав отряда Кротова входила вспомогательная ладья под управлением кормщика И.Я. Гвоздарева. Ему поручалась доставка разборного зимовья экспедиции в пролив Маточкин Шар. Затем Гвоздарев должен был заняться охотой на моржей, белух и ловлей гольцов у западного побережья архипелага. Этим предполагалось покрыть часть издержек экспедиции. Заранее было договорено, что Кротов оставит записку со своим плаванием в зимовье Ф.Розмылова, когда пройдет пролив Маточкин Шар с запада на восток.

В 1832 году сложные ледовые условия в Карских воротах не позволили Пахтусову провести запланированные исследования у южных берегов архипелага и выйти через пролив к восточным. 31 августа сложная

ледовая обстановка вынудила Пахтусова перебраться на судно в губу Каменку и остаться здесь на зимовку. Для строительства жилья были использованы три нижних венца старой избы. Материалом для зимовья и источником топлива послужил плавник, обнаруженный на побережье. Зимовье было построено за 11 дней. Пахтусов в обнаруженной нами «Краткой записке о действиях экспедиции ...» пишет: «Изда наша была расположена квадратно на 13 футах; вышиною посредине 7 фут, на сем пространстве принуждены были поместиться все 10 человек, и как она была построена из сырого плавничного леса, то в оной был самый тяжелый и сырой воздух, от коего вскоре почти все мы лишились обоняния; а парусина, которой от сырости обтянуты были стены, в продолжении двух недель сгнила совершенно, в такой крайности мы должны были прожить около 9 месяцев. По наступлении морозов мы заколотили окна снаружи и в таком положении, держа почти непрерывный огонь, прожили 76 дней. В (непонятное слово. – П.Б.) сем часто посещали нас белые медведи, иногда по три вместе; хотя от оных обид мы не имели, но всегда должны были опасаться нападения, и без оружия весьма редко ходили и за водой, отстоящей от избы в 300 сажнях» (ЦГАВМФ, ф.402, оп.1, д.635, л.5).

Как только все участники экспедиции Пахтусова перебрались в зимовье, со второй декады сентября стали «вести метеорологический журнал, внося в него через каждые 2 часа высоту барометра, термометра и состояние атмосферы» (Свенске, 1866, с. 30). С окончанием зимы начались многодневные пешие маршруты с целью описи и съемки южных берегов архипелага. 3 мая 1833 г. умер В. Федотов, 13 мая – Н. Подгорский. Временно их тела были похоронены в забое снега, а 5 июня 1833 г. их захоронили неподалеку от креста и старых могил.

6 июня 1833 г. Пахтусов с двумя работниками и запасом продовольствия отправился на лодке через пролив Карские Ворота к восточному берегу. Это был тяжелейший месячный поход, во время которого Пахтусов нанес на карту восточный берег Южного острова. В небольшой губе Савиной он обнаружил развалины избы и упавший крест с надписью: «Поставили сей животворящий крест на поклонение православным христианам зимовщики, 12 человек, кормщик Савва Ф...анов на Новой Земле, по правую сторону Кусова Носа».

Засняв 150 км восточного берега, преследуемый чередующимися снегопадами, дождями, туманами и сильным волнением, Пахтусов повернул назад и 5 июля вернулся в Каменку. Карбас под руководством Крапивина был подготовлен к плаванию, но большинство участников зимовки были тяжело больны. 11 июля лед из Каменки начало выносить. Пахтусов и его спутники на «Новой Земле» покинули зимовье.

Ледовая обстановка продолжала оставаться сложной, и только 19 июля экспедиция вновь достигла губы Савиной. Продолжая опись берегов и движение на север, 13 августа Пахтусов со своими спутниками вошли в восточное устье Маточкина Шара. В зимовье экспедиции Розмылова на мысе Дровяном они не обнаружили ни следов экспедиции лейтенанта Кротова, ни условного сообщения от него. Основное зимовье Розмылова в бухте Тюленьей Пахтусов обнаружил почти совсем развалившимся. Болезнь спутников, плохое состояние судна вынудили Пахтусова прекратить работы и через пролив Маточкин Шар направиться не в Архангельск, а в Пустозерск. Во время этого плавания скончался Н. Рудаков.

Из Пустозерска сухим путем экспедиция возвратилась в Архангельск. Здесь Пахтусов узнал, что Гвоздарев после успешных промыслов вернулся в родные края, а о лейтенанте Кротове не получено никаких известий. Просматривая архивный фонд «Высочайшие повеления, рескрипты, указы», мы обнаружили следующий документ: «Жена Штурманского Подпоручика Казакова, пропавшего без вести с Лейтенантом Кротовым, просит о назначении ей приличного содержания для воспитания малолетних детей ея. Она доныне получает половинное жалованье мужа ея» (ЦГАФМФ, ф.227, оп.1, ед.хр. 167, лл. 130 – 130 об.).

В январе 1834 г. Пахтусов прибыл для доклада о выдающихся результатах экспедиции в Петербург.

Результаты экспедиции – составление первой карты всего восточного побережья Южного острова архипелага – были высоко оценены. Гидрографическое депо решило продолжить съемку восточного берега за свой счет. Клоков предоставил построенные по его заказу шхуну «Кротов» и карбас «Казаков». Они были названы именами пропавших участников прошлогодней экспедиции.

На шхуне шел начальник экспедиции П.К. Пахтусов и с ним экипаж из восьми человек. На карбасе – заместитель начальника экспедиции, кондуктор А.К. Циволька, пять матросов и два промышленника. 5 августа 1834 г. суда «Кротов» и «Казаков» вышли из Архангельска. У юго-западного побережья Новой Земли судно Пахтусова встретило промышленников, которые рассказали о найденных ими севернее западного входа в пролив Маточкин Шар обломках рангоута небольшого судна. 26 августа судно Пахтусова перешло к Маточкиному Шару, куда вскоре прибыло и судно Цивольки. По проливу Пахтусов направился на восток, чтобы встретить судно промышленников с избыю для зимовки. Не обнаружив его, вернулся назад. Раннее наступление зимы заставило искать место для зимовки. Оно было выбрано северо-восточнее западного устья пролива, на его южном берегу, у реки Чирикаина. Из сорока перевезенных сюда бревен и из

остатков стоявших на побережье пролива трех промысловых изб было построено зимовье и баня. Для их сооружения были использованы и детали брошенного в устье реки Чирикаина судна Розмылова.

Несмотря на участие в экспедиции фельдшера В.Ф. Чупова, улучшенное питание и строгий режим, к февралю 1835 г. среди зимовщиков было шестеро больных. В марте Пахтусов приступил к береговой описи западной части пролива. В апреле опись была продолжена на восток. Пахтусов возглавил отряд из семи человек для описи южного берега Маточкина Шара. Шесть человек второго отряда под начальством Цивольки отправились к восточному устью пролива. Им была поручена опись восточного (Карского) берега севернее Маточкина Шара. Оба отряда дошли до зимовки Розмылова на мысе Дровяной, затем двинулись на восток до мыса Бык и здесь расстались. Пахтусов по льду провел опись Маточкина Шара. Циволька вдоль неизвестного восточного берега направился на север. Он открыл и дал описание заливов и побережья на 160 км севернее Маточкина Шара, вплоть до полуострова Фон-Флотта. 6 мая Циволька со своими спутниками вернулся в зимовье, где его ждал Пахтусов. В апреле-мае скончались матрос Самсонов и плотник Постников. О месте их погребения ничего не говорится в дневнике Пахтусова.

Участники экспедиции в июне 1835 г. начали готовить суда к плаванию. В середине месяца к зимовью подошли кемские промышленники, а через несколько дней – сумский промышленник Еремин. Прибыв на Новую Землю, они направились к зимовщикам. Еремин добрался пешком от судна, стоявшего у реки Маточки, так как пролив еще был забит льдами. 11 июня ветром отогнало льды от берега, и Пахтусов, захватив провизии на 3,5 месяца, на карбасе «Казаков» отправился на запад. В зимовье остался фельдшер Чупов со служителем и под их присмотром двое больных (а также судно «Кротов»). Севернее западного устья Маточкина Шара, на побережье губы Серебрянки и на острове Митюшев Пахтусов нашел обломки судна. По окраске и по другим признакам Пахтусов и его спутники определили, что эти обломки принадлежали шхуне «Енисей» лейтенанта Кротова и подпоручика Казакова.

21 июля 1835 г. карбас «Казаков» был затерт и раздавлен льдами у западного берега острова Берха. Удалось спасти две лодки и небольшую часть провизии. Во время крушения Пахтусов сильно простудился. Неожиданно через десять дней подошла ладья знакомого им промышленника Еремина. Вскоре подошла ладья также знакомого промышленника И. Гвоздарева. Они забрали участников экспедиции Пахтусова, и оба судна отправились на северо-восток. Пока промышленники занимались ловлей моржей, Пахтусов и Циволька на двух шлюпках продолжали

опись берегов. Они произвели съемку Горбовых и Крестовых островов. 13 августа экспедиция направилась на судах промышленников в обратный путь и через восемь дней вернулась к зимовью. Опись западного побережья была осуществлена до района полуострова Адмиралтейства. На следующий день Пахтусов на карбасе промышленников (вместе с фельдшером Чуповым и пятью матросами) направился через Маточкин Шар к Карскому морю. Поднимаясь на север, вдоль восточного побережья архипелага, Пахтусов продвинулся дальше, чем до него Циволька. Он достиг острова, названного впоследствии его именем. Здесь дальнейший путь преградили льды. Пахтусов со своими спутниками вернулись к зимовью у реки Чиракина 13 сентября.

19 октября экспедиция возвратилась в Архангельск. Через месяц П.К. Пахтусов скончался в возрасте 36 лет и был похоронен на кладбище в Соломбале.

Благодаря личному мужеству П.К. Пахтусова, экспедицией были достигнуты выдающиеся результаты. Пахтусов описал южный берег Маточкина Шара, восточное побережье архипелага от Карских Ворот до мыса Дальнего, значительную часть северо-западного побережья. Особую ценность представляют и различные научные наблюдения экспедиции. После него поморы вновь стали посещать Панкратовы и Горбовы острова и проникать далее на север. Академики К. Бэр, А.Я. Купфер, Г.И. Вильд проанализировали результаты экспедиции и опубликовали специальные работы. В 1886 г. Пахтусову был сооружен памятник в Кронштадте по проекту Н.И. Лаврецкого. На этот памятник штурманы военного русского флота с 1875 г. в течение десяти лет отчисляли один процент своего берегового жалования, набрав 9200 рублей.

В 1837 г. на шхуне «Кротов» и небольшой ладье «Св. Елисей» к берегам Новой Земли направилась из Архангельска экспедиция Императорской Академии наук. Экспедицию возглавлял академик К. Бэр. В ее состав вошли студент Дерптского университета Леман, художник Петербургского Монетного двора Редер, лаборант Зоологического музея Филиппов и служитель Дронов. Командовал судном прапорщик А.К. Циволька. Они прошли до середины пролива Маточкин Шар на судне, а далее среди льдин до Карского моря на лодках. Затем вернулись назад. Были обследованы реки Маточка и Чиракина в проливе Маточкин Шар, губы Серебрянка и Безымянная, устье реки Нехватовой, окрестности Костина Шара.

У Новой Земли экспедиция пробыла около полутора месяцев. Были собраны геологические, палеонтологические, ботанические и зоологические коллекции. Циволька составил описание посещенных экспедицией якорных стоянок на Новой Земле и в Белом море, измерил высоту наиболее примечательных гор на берегах Маточкина Шара и произвел магнитные измерения на

реке Нехватовой. Необходимо подчеркнуть, что художник Редер стал первым художником, рисовавшим с натуры на Новой Земле. Хорошо известны литографии с рисунков Редера с изображением западного входа в пролив Маточкин Шар и расположенного северо-западнее этого пролива побережья Новой Земли. Во время проведения экспедиции Редер постоянно делал зарисовки новых пейзажей. За три месяца работы экспедиции на Новой Земле он создал моногисленные рисунки с изображением видов архипелага (Полярный архив, 2003, с.20–21).

В 1838 г. по ходатайству Гидрографического департамента на Новую Землю была отправлена экспедиция на специально построенных шхунах «Новая Земля» и «Шпицберген». Начальство над экспедицией и первой шхуной поручили прапорщику А.К. Цивольке. Его экипаж состоял из фельдшера Чупова, кондуктора Рогачева и 12-ти нижних чинов. Командовал второй шхуной прапорщик С.А. Моисеев. Его экипаж состоял из кондуктора Кернера и 11-ти нижних чинов. Для доставки на архипелаг запасов продовольствия и разборной избы была нанята ладья известного кормщика И.Я. Гвоздарева. Суда шли из Архангельска к юго-западной части Северного острова, где в губе Мелкой решено было зазимовать. Первым 27 июля прибыл Моисеев. Только 8 августа подошла шхуна Цивольки.

В губе Мелкой были построены две избы и деревянная баня. Подготовив их для жилья, Циволька на карбасе направился к северной оконечности архипелага, но сильные ветры и болезнь вынудили его вернуться назад от мыса Прокофьева. В это время Моисеев на своей шхуне занимался описью губы Северная Сульменева. Штормовая погода заставила его вернуться в губу Мелкую. В октябре болезнь Цивольки усилилась. Заболело еще несколько участников экспедиции. 16 марта 1839 г. скончался Циволька. Начальником экспедиции стал Моисеев. Во время зимовки скончались еще 8 человек. Первоначально Циволька и другие умершие были похоронены рядом с зимовьем в забое снега, под восточным утесом. Только 18 июня 1839 г. тела усопших были похоронены в братской могиле.

Необходимо отметить, что в 1909 – 1910 гг. здесь зимовали: три русских промышленника Н.Я. Кулебякин, Ф.В. Холопов, А.К. Павловский, ненец Петр Осокин с женой и двумя сыновьями. Их и встретил в заливе Мелкий В.А. Русанов. В июне 1910 г. судно купца Д.Н. Масленникова, отправившего промышленников на зимовку, зашло в залив. Команду никто не встречал. В зимовье прибывшие обнаружили дневник Кулебякина, на основе которого была восстановлена разыгравшаяся трагедия (Башмаков, 1939, с. 86–92). 26 января 1910 г. умер Павловский. 27 января в дневнике запись: «Тихо. Выпало много снега.

Назначена вахта у покойного. Сидели попеременно с утра. Стали делать гроб и стали вырубать могилу. Грунт очень твердый, вырубили немного и погребли покойного рядом с прапорщиком Циволькой, у креста на горе. Команда все делается больше...» (Башмаков, 1939, с. 88). «Прибывшие на судне увидели рядом с зимовьем «грубо сколоченный из досок ящик, прикрытый досками; в нем оказался еще неразложившийся труп, как признали мы, Н.Я. Кулебякина. Далее на горе, у креста и могилы Цивольки, оказался другой, наполовину вкопанный в землю, гроб с останками Павловского» (Ануфриев, 1910). Таким образом, рядом с Циволькой и его скончавшимися спутниками были захоронены в 1910 г. тела двух промышленников. Это во многом объясняет состояние могилы и характер обнаруженных рядом с ней предметов: две деревянные доски-плахи и остатки охотничьего ружья. Приведенный пример красноречиво свидетельствует о пересечении исторических эпох в труднодоступных регионах. Поэтому скорейшего изучения и расшифровки требуют материальные свидетельства истории освоения Арктики.

Смерть А.К. Цивольки и восьми товарищей не сломили С.А. Моисеева и оставшихся в живых участников экспедиции. Из тридцати назад вернется только двадцать один человек.

В начале апреля Моисеев, кондуктор Рогачев и девять матросов более двух недель исследовали внутреннюю часть архипелага восточнее Крестовой губы. Это была первая попытка пересечения Новой Земли. В результате было опровергнуто мнение, что

Крестовая губа является частью пролива, ведущего в Карское море. Но добраться до восточного берега не удалось.

С 17 мая Моисеев добавил к круглосуточным метеорологическим наблюдениям магнитные измерения, для чего построил для приборов небольшую будку. Рогачев закончил опись залива Мелкий. В начале июля Моисеев с четырьмя матросами отправился на карбасе вдоль западного побережья архипелага на север. Он картировал берег вплоть до губы Машигина. Ледовая обстановка не позволила продвинуться дальше. Кондуктором Г.С. Рогачевым описан и приближенно нанесен на карту залив, который Моисеев назвал заливом Рогачева. В честь него в дальнейшем были названы полуостров и река, которые Рогачев обследовал во время работ экспедиции в проливе Костин Шар. В начале августа Моисеев со своими спутниками покинул место зимовки на шхуне «Шпицберген» и отправился к юго-западному побережью архипелага. Выполнив съемку побережья в заливе Моллера и в проливе Костин Шар, экспедиция вернулась в Архангельск.

Собранная ботаническая коллекция была передана Моисеевым академику К. Бэру. К разнообразным научным результатам экспедиции неоднократно обращались известные отечественные и западно-европейские ученые. Но главная задача – пройти к северной оконечности Новой Земли – опять не была выполнена. Видимо, поэтому в течение последующих нескольких десятилетий не направлялись экспедиции к северу архипелага.